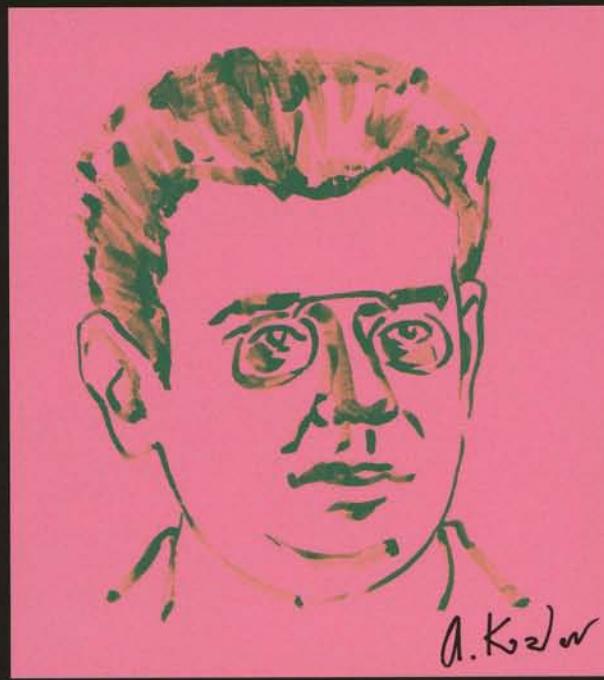

РУССКОЕ СЛОВО

WWW.RUSLO.CZ

ИЗДАНИЕ
РУССКОЙ
ДИАСПОРЫ
В ЧЕШСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ

№ 7-8 / 2009
ИЮЛЬ-АВГУСТ

**Аркадий Аверченко,
патриотизм и популизм**

50 Kč

«Йиндржих Йиндржишек — это имя, неразрывно связанное с вопросом прогресса и духовного расцвета нашей национальной ветви в России, ... олицетворение народной совести, бдительный страж национального духа».

Франтишек Зуман, 1924 г.

«Работа Йиндржишека во время войны принадлежит истории».

Вацлав Вондрач, 1924 г.

Йиндржих Йиндржишек или Генрих Игнатьевич

один из организаторов противогабсбургского движения среди чехов, живших в России, купец второй гильдии, член Киевской городской думы, Действительный член общества скорой помощи, «некоронованный король русских чехов», самодеятельный консул.

Киев. Магазин Й. Йиндржишека «Дело музыкальных инструментов», ул. Крещатик 58. Дом сохранился до наших дней.
Сейчас это дом № 52. Фото конца 1890-х годов (из архива М. Кальницкого)

Индржих Йиндржишек родился 25 июля 1857 года в деревне Поникле Елемницкого округа на севере Чехии. Окончил в Либерце в 1873 году низшее реальное училище, учился в торговой фирме в Высоке-над-Йизерой в горах Крконоше. Гордился тем, что принадлежит к горцам, которые тяжелой работой закалают свой характер, умеют открыто смотреть в глаза опасности, напряженно работать и мало есть. Свои записки и письма подписывал псевдонимом «Горец».

Скиталец

После учебы в торговой фирме в 1878—79 годах торговал вразнос струнами и стеклом по близким селам и маленьким городкам. О своем первом жизненном опыте он рассказал уже на склоне лет после возвращения на родину верному другу издателю Венцеславу Швиговскому. А было это так. В тоске по «широкому свету», почти без денег молодой Йиндржих отправился из Чехии в скитания и попал на юг России к берегам Черного моря.

Искал счастья разными способами, пока не стал рабочим пристани. Будучи военнообязанным, должен был вернуться в Австрию и решить вопрос о военной службе. Достаточного количества денег для поездки у него не было, и он пошел пешком. Дошел до южной Венгрии. Этот поход, как он однажды говорил, имел значение для формирования его жизненного принципа и дальнейшей деятельности.

«Как настоящий скиталец я в пути просил у поселенцев еду и ночлег. В украинских и молдавских селах жители не скупились дать молоко и хлеб. В Венгрии я пришел в усадьбу, которая принадлежала немцу. Семья сидела за столом, а я мял в руке шапку и декламировал смесью немецких и венгерских слов свою просьбу о краюшке хлеба и ночлеге. Хозяин строго посмотрел, предложил сесть за стол и наложил полную тарелку. Когда я наелся и хотел благодарить, хозяин сказал, что этого недостаточно, за еду надо заплатить. Подвел меня к большому бревну, дал топор и предложил отработать долг. Я до вечера нарубил большую кучу дров. Утром

Крещатик 58, современный вид (второй дом от угла)

после завтрака хозяин сказал, что я хороший работник, отработал свой долг и дал мне еще пару крейцеров. Потом он сказал, что ничего даром не дает и даром ничего не берет и что здоровый человек, если голоден, должен просить работу, но не просить хлеб. Этот совет я принимаю к сердцу и сейчас, через пятьдесят лет».

Киевский предприниматель

В 1881 году после военной службы на родине в возрасте 24 лет Йиндржих Йиндржишек приехал в Россию вторично. На этот раз в Киев. Он не искал службу, а начал самостоятельно торговаться. С начала его товаром были писчебумажные изделия. Торговал таким же способом, как на родине — разносил товар в рюзаке. При этом проявил работоспособность и выносливость крконошских горных жителей. Потом, когда накопился «капиталец», продавал гармошки и струны. Стремился пропагандировать чешские товары, неизвестные тогда в России. Торговля шла успешно.

В 1883 году открыл на улице Фундуклеевской (теперь — Богдана Хмельницкого) напротив оперного театра собственный небольшой магазинчик по продаже дешевых музыкальных инструментов и струн. Торговля пошла. В 1885 году Йиндржишек открыл мастерскую по ремонту музыкальных инструментов. Видимо, с этого времени его стали величать на русский лад — Генрихом Игнатьевичем (он был православным, при крещении получил имя Игнат, дата крещения и возраст в этот момент нам неизвестны).

Так была заложена основа будущего большого предприятия по производству, оптовой и розничной торговле музыкальными инструментами, которое стало потом известно во всей России.

Накопив деньги, Генрих Игнатьевич открыл на Крещатике в доме 58 (ныне №52, помещения Театрального института им. Карпенко-Карого) большой магазин, который носил громкое название «Депо музыкальных инструментов». Со временем Йиндржишек присоединил к нему специальные мастерские — « заводы », производившие товар, и типографию. Ассортимент был широкий: от дешевых дудок и балалаек до пианино и роялей, от концертин до больших гармоней и баянов, пользовавшихся спросом во всей России. В магазине продавались ноты и музыкальная литература, а также всякие принадлежности для музыкантов. Изготовление гармоний, флют- и физгармоний продолжалось до 1895 года, когда Йиндржешеку была присуждена медаль на выставке в Нижнем Новгороде. В Киеве на выставке в 1897 году он был награжден малой серебряной медалью. С 1903 года начал торговлю новинкой — граммофонными пластинками.

В этом доме магазин размещался до 1908 года. Расширение предприятия требовало новых помещений, и Йиндржишек перевел магазин в другой дом — Крещатик 41, на противоположной стороне улицы и открыл его в 1909 году. Здесь все было с большим размахом. В нем создает совместно с немецким компаньоном Эрнстом Гессе студию звукозаписи фирмы «Интернациональ Экстра — Рекорд». Пластинки изготавливались в Берлине.

Теперь в тексте рекламы он сам пишет: «Достопримечательностью Киева следует признать музыкальный магазин Г. И. Йиндржишек по ул. Крещатику д. № 41, в Бель-Этаже. В главной входной зале находятся все струнные и духовые инструменты и принадлежности к ним, как для любителей, так и для оркестра. В прилегающих к зале помещениях находится с одной стороны Фортепианное отделение, где всегда имеются налицо 200 крупных инструментов (рояли, пианино и фисгармонии). С другой стороны Нотное отделение с богатейшим выбором нот всех изданий и Граммофонное отделение с громадным выбором граммофонных аппаратов и пластинок к ним.

Расширяясь постепенно со времени своего основания в 1882 году, магазин содержит в себе все, что для музыки необходимо; от пятнокопеечной дудки до рояля и оркестриона в несколько тысяч рублей. Особенного внимания заслуживает репродукционный аппарат Вельже «Миньон», передающий игру знаменитых артистов-пианистов до мельчайших подробностей верно. Аппарат Пианола-Метростиль-Темодист дает возможность всем любителям музыки играть на фортепиано всякие пьесы, не исключая самых трудных, по своему личному понятию и в техническом отношении безукоризненно. Интересующиеся вышеназванными аппаратами

могут их услышать во всякое время, хотя бы в данное время не были намерены таковые покупать».

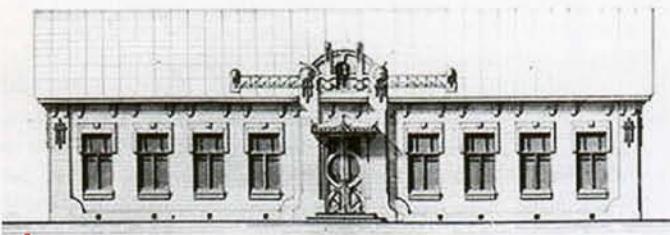
В дворовом крыле этого дома была квартира с простой обстановкой. В ней господствовала жена Генриха Игнатьевича, Мария (на Марии Кратовиловой Йиндржишек женился в 1888 году в возрасте 31 года, венчание проходило в Праге в костеле на Королевских Виноградах 21 августа), отличная и щедрая хозяйка. Эти качества ее особенно проявились, когда началась война и в дом приходили военнопленные земляки. В других помещениях во дворе и со стороны улицы был склад нот, музыкальное и музыкально-педагогическое издательство, кладовки, мастерские и людские. В прежнем доме был большой склад роялей, пианино, духовых инструментов, гармошек и струнных инструментов.

О масштабах всего предприятия можно судить по тому, что в розницу было продано 400 роялей и пианино. Фирма стояла на твердых ногах. Во время войны, в 1916 году были открыты филиалы магазина в Туле и Баку.

Генрих Игнатьевич Йиндржишек в свои 50—55 лет был полон энергии и устремлений к новым начинаниям и не шел к ним проторенной дорогой. Так, он становится совладельцем пивоварни «Главачек и Ко» в Кременчуге и даже угольных шахт.

В те годы в России не было чешских газет, и Йиндржишек в 1906 году помогает двадцатишестилетнему Вацлаву Вондраку начинать издавать еженедельник «Русский Чех» — первую газету для соотечественников. В одном номере ее могли быть помещены тексты на чешском, русском и украинском языках. Так, в 1907 году, в № 31 в дни памяти Яна Гуса была помещена поэма Тараса Шевченко «Еретик або Иван Гус» с посвящением Павлу Шафарiku, на украинском и чешком языках.

После того как Вондрак по ряду причин прекратил издательскую деятельность, Венцеслав Швиговский приобрел у него типографию.

Здание фабрики «Экстрафон»

Йиндржишек и Клих стали его компаньонами, вложили средства, и с 1911 года начинает выходить еженедельная газета «Чехословян». В эти годы Йиндржишек стал также компаньоном фирмы «Механические мастерские Винаржа и Жарбинского» в Киеве.

«Экстрафон»

Особое место в деятельности Йиндржишека заняло создание фабрики грампластинок «Экстрафон». В начале XX столетия много киевлян имели у себя дома граммофоны, поэтому рос спрос на пластинки. Они в Киеве не производились. В 1909 году Йиндржишек в одной из комнат своего нового магазина разместил оборудование для звукозаписи, закупленное в Германии. Это было новейшее достижение акустики и механики того времени. Голоса артистов и музыка записывались на восковые диски, которые отправляли для обработки в Берлин, где печатался весь тираж пластинок.

Одним из первых студию посетил композитор Николай Лысенко, попробовавший себя в качестве аккомпаниатора девятнадцатилетней артистки Елены Петляш, племянницы братьев Тобилевичей (их псевдонимы — Карпенко-Карый и Саксаганский). Знание вкусов покупателей позволило Генриху Игнатьевичу и его компании из Германии Эрнсту Гессе делать записи, которые пользовались спросом, и вскоре пластинки с ними влились в российский рынок.

Спрос на них явно превышал предложение. Оптовые покупатели из других городов предлагали переплату, чтобы добыть товар вне очереди, но безуспешно. Этого Йиндржишек не допускал — берег честь фирмы. Производство пластинок в Германии затягивало сроки выполнения заказов, торговля тормозилась. Компания решила строить собственную фабрику в Киеве, чтобы производить диски, граммофоны и выпускать рекламный журнал.

Торжественная закладка фундамента состоялась в 1910 году на Шулявке, окраине Киева, возле завода Гретера и Криванека (ныне «Большевик»), по улице 2-я Дачная Линия 5 (ныне улица Смоленская 31—33). Там работало и жило много чехов, приехавших еще в XIX столетии. В особой нише замуровали стеклянный сосуд с обращением Йиндржишека к потомкам, в котором, среди прочего, говорилось: «Тот, кто при перестройке этот лист, вложенный в основание, найдет, пусть помолится за память воздвигнувших кров этот и желавших ему всего лучшего». Это обращение было обнаружено в 1965 году при перестройке здания, принадлежавшего тогда Заводу порционных автоматов.

Глава фирмы «Интернациональ Экстра — Рекорд» Эрнст Гессе приехал из Германии в Киев и лично руководил строительством. Когда здание было почти готово — шла наладка оборудования, изготавливались пробные партии пластинок, — в ночь на 12 июня произошел пожар. В огне погибло много пластинок, матриц и восковых дисков с записями. Убыток равнялся ста тысячам рублей. Это событие вывело Гессе из душевного равновесия. Он потерял

На правой стороне улицы Крещатик виден высокий дом с башнями № 41 (разрушен в 1941 г.)

интерес к делу, продал все, что уцелело, своему компаньону и уехал.

Генрих Игнатьевич не унывал. Он твердо верил в успех начинания, вложил в дело еще 50 тысяч рублей, возобновил строительство, вновь купил и разместил в нем оборудование. В конце 1911 года фабрика с названием «Экстрафон» начала штамповать грампластинки и выпускать рекламный журнал «Граммофонный мир». После пуска производства немецкие специалисты уехали. Нужен был специалист, знающий секреты музыкального бизнеса. Был приглашен из подобной московской фирмы Я. И. Берквиц, и работа над оптимизацией репертуара закипела. Начали выпускать пластинки, пользовавшиеся большим спросом не только в Киеве, но и во многих городах России. В них были записи чешской музыки, песен не только на русском, но и на украинском, грузинском, татарском и других языках. Вот названия популярных песен военного времени: «Гриша уезжает», «Георгиевский кавалер», «Смерть героя», «Гусары-усачи». В связи с войной закрылись немецкие фирмы-конкуренты, а «Экстрафон» процветал — ежегодно выпускалось до 500 тысяч пластинок (песни, марши, романсы). В 1917 году представители временного правительства потребовали размещать на этикетках грампластинок портреты Керенского и призывы подписываться на «Заем свободы».

Финансист

Генрих Игнатьевич был одним из основателей и руководителей зарождающегося Чехословацкого банка в Киеве. Он назывался «Кредитное учреждение (Úvěrový ustav)». Сначала была открыта контора в Житомире по обслуживанию чешских колонистов Волыни, потом — центральная контора в Киеве в Пассаже (Крестик 25). Предполагалось открыть конторы в Здолбунове, Дубно и других городах. Кредитное учреждение было не только банком, но и местом для деловых контактов предпринимателей. Гражданская война сорвала эти планы.

Общественная деятельность

В 1870-х годах происходила миграция чешских земледельцев с родины на Волынь, в Подолье, Причерноморье и другие регионы юга империи. В 80-х и 90-х годах ехали в Россию переселенцы из Чехии для работы на железной дороге, в машиностроительных и сахарных заводах, на мельницах, пивоварнях — это была волна промышленной миграции. Из Чехии приезжали промышленные и торговые предприниматели, инженеры, мастера, квалифицированные рабочие, чиновники-управленцы предприятий, учителя латыни, чешского и других языков, физкультуры, музыки, духовенства, профессора, ученые, ювелиры и многие другие.

До революции 1905 года переселенцы жили обособленно, мало между собой общались. Рабочий день на предприятиях длился 12 и более часов. Суббота была также рабочим днем, но укороченным. Мало времени оставалось для домашних дел. Поэтому времени для общественной и просветительской деятельности практически не было. Общественные организации, особенно для «инородцев», были запрещены. Однако потребность в них осознавалась многими.

А после бурных событий первой русской революции в 1905—1906 годах, наступила некоторая демократизация. Был узаконен 10-часовой рабочий день, разрешены общественные организации, в том числе и для «инородцев». Чешская интелигенция и ряд предпринимателей Киева осознали необходимость проведения просветительской деятельности среди своей молодежи и начали ее постепенно проводить.

Йиндржишек обратил внимание на расслоение чешского общества в своем окружении. Он видел, как богатые господа свысока смотрели на предпринимателей рангом ниже и трудящихся, работавших у них по найму, даже если это были необходимые специалисты, и начал противодействовать этому. С целью объединения молодежи Генрих Игнатьевич начал проводить у себя в помещении мастерской на Крестчике молодежные встречи с музыкой, танцами и другими увеселительными акциями (собственных детей у супругов Йиндржишеков не было). Вовлекались молодые люди из разных социальных прослоек. Это имело успех у молодежи и получило поддержку старшего поколения. Укреплялась идея создания культурно-просветительского общества. Появились энтузиасты из молодых интеллигентов, недавно окончивших российские университеты — В. Вондрач, А. Поспишил, И. Вольф и другие.

Следует заметить, что Вацлав Вондрач, будучи студентом юридического факультета Киевского университета, жил в семье Йиндржишека, и это, вероятно, оказало влияние на формирование его личности и отношения между ними в следующие годы. В марте 1907 года в Киеве было зарегистрировано культурно-просветительское общество Яна Амоса Коменского. Председателем его избрали Йиндржишека, инициатора его создания. К нему присоединились молодые любители «телесных упражнений», как тогда говорили.

Это позволило реорганизовать неофициально существующее спортивное общество «Юг» в легальную русско-чешскую спортивную организацию «Сокол», которая была зарегистрирована. Председателем ее стал 26-летний юрист Вацлав Вондрач. Нашлись учителя гимнастики, как тогда называли тренеров. Под их руководством на Шулявке, на дачных улицах, стали бегать и делать гимнастические упражнения подростки — мальчики и девочки.

В начале XX столетия чешское движение «соколов» становилось популярным во всей России. Многие гимназии и реальные училища Москвы, Петербурга, Киева, Одессы, Ростова-на-Дону, городов на Волге и Кавказе приглашали, «выписывали» из Чехии дипломированных «учителей гимнастики». Начало системе физического и духовного воспитания молодежи «Сокол» положил пражский профессор Мирослав Тыш в середине XIX столетия. Он сгруппировал физические упражнения в «четыре отдела»: 1 — упражнения без снарядов, 2 — упражнения на снарядах (брюсья, перекладина, кольца, конь), 3 — групповые упражнения (пирамиды и др.), 4 — боевые упражнения. Спустя 10—15 лет многие учителя физкультуры гимназий стали известными офицерами и генералами в Легионе, например Й. Швец, М. Немец, А. Чила и другие.

В это же время Общество Я. А. Коменского создало на Шулявке свой сад для отдыха — киевскую «Стромовку». Это было скромное напоминание об одноименном пражском парке. На территории между заводом Гретера и Криванека и улицей Полевой, там, где сейчас находится 71-я школа, инженер Виктор Кашпар упорядочил запущенные заросли, поставил легкие парковые сооружения. По воскресеньям и праздникам здесь проводились гуляния жителей всей не только чешской Шулявки, ставились самодеятельные комедии в чешской народной традиции, объединялись любители хорового пения. При этом обязательно присутствовал полицейский — околоточный надзиратель. Инженер Е. Мареш вспоминал, что с появлением военнопленных в «Стромовке» делали дополнительные постройки, а за них расплачивался Йиндржих Йиндржишек.

Чешская школа

Если дату появления киевской «Стромовки» пока установить не удалось, то на основании публикаций Йозефа Циприана и Эдуарда Мичека (1923), Венцеслава Швиговского (1924) и рассказов бывших учеников достоверно известно, что чешская школа

Чешская школа на прогулке в Святошинском лесу. 1909 год.
Архив авторов

в Киеве начала свою жизнь позже, чем «Сокол» и «Стромовка», но территориально находилась непосредственно возле последней, в том же дачном квартале Шулявки, напротив нынешней киностудии имени Александра Довженко.

Мысль о создании в Киеве чешской школы, как пишет Циприан, принадлежала маленькому чешскому человеку Й. Мосеру (он действительно был небольшого роста, но пользовался большим уважением в чешской общине и в 1914 году стал членом Чешского комитета). Он был вынужден послать жену с ребенком на родину, чтобы тот мог учиться на родном языке. Мосер видел, как по этой причине многие рабочие семьи уезжают на родину.

Эту мысль поддержали активисты общества Яна Амоса Коменского — Мелихар, Воцелка, Бубак, Стах, Винцент Запал (потомки последнего сейчас живут в Киеве, а одна внучка — в Чехии). У них были дети школьного возраста. Спортивный «Сокол» и его председатель Вацлав Вондрек также поддержали эту идею. Они хотели иметь организованный коллектив детей для занятий спортом. Вскоре собрание общества обсудило этот вопрос. Оно проходило в присутствии полицейского, который требовал, чтобы выступления и протокол были на русском языке. Полицейского «задобрили», обсуждения шли по-чешски, а протокол писали на русском языке.

Выбранный комитет предложил проект быстрого открытия школы. Осуществлением его занялись Г. И. Йиндржишек, проф. А. Попшил и юрист доктор В. Вондрек. Решили школу разместить на Шулявке — «на дачах», где жило много чешских семей. Был выбран земельный участок на углу улиц Брест-Литовское шоссе и Дачный проулок (ул. Полевая, акад. Янгеля) между киевской «Стромовкой» и парком Политехнического института. Это была кадастровая зона, в которой земельные участки иностранцам не продавались, а школа считалась иностранным заведением. Поэтому Йиндржишек, имевший российское подданство, купил участок на свое имя и за свои деньги (чехов удивляло, почему в России гражданство называют словом «подданство»). Потом он имел много неприятностей от недоброжелателей и завистников за эту благотворительность: гласные городской думы Й. Зивал и Савенко много раз писали в полицию открытые доносы, обвиняя Йиндржишку в том, что он за деньги, собранные для школы от благодетелей и родителей, покупает для себя недвижимость. Полиция, зная безупречность Йиндржишке, со временем перестала рассматривать эти письма.

Пока не было разрешения властей, открыли частную школу учителя Ярослава Боучека. Занятия начались 15 сентября 1907 года. Было 35 учеников в трех группах. После получения разрешения собрание общества Я. А. Коменского в октябре 1907 года приняло решение о взятии школы под свою опеку.

Руководителем школы стал Ярослав Боучек, была принята учительницей Йосефа Шпикова. Построили деревянное двухэтажное здание на ул. Полевой 109 (ныне Акад. Янгеля 2-а), обращенное фасадом к парку Политехнического института. Занятия в новом здании школы начались в 1909 году.

Фото из архива О. Ф. Волковой, учившейся в чешской школе до закрытия ее в 1934 году

Детей обучали чешскому и русскому языкам. Много внимания уделялось обучению путем постановки инсценировок (сейчас бы сказали — ситуационных задач). Был учебный огород, на котором каждый ученик имел свой участок. Школьный инспектор, проверявший школу, отметил успешность обучения. С каждым годом количество школьников увеличивалось.

В четвертом учебном году их было 86, стало пять групп. Приняли еще двух молодых учительниц. Следует заметить, что в 1930-х годах в Киеве было 124 школы. Среди них 13 — для национальных меньшинств: польские, еврейские, армянская, ассирийская, татарская, немецкая и эта — чешская. Сейчас в городе 232 школы украинские, и только восемь — русских. Сведений о школах для детей других национальностей авторы нигде не встретили. Чешская школа в Киеве просуществовала до 1934 года, когда советское государство начало закрывать школы для национальных меньшинств, а учителей репрессировать.

Известный исследователь жизни чехов на Волыни профессор Ярослав Вацулик из Брно в своих публикациях приводит анализ того, как происходила в 1930—1937 годах ликвидация почти трех десятков чешских школ на советской Волыни и репрессии учителей на основе надуманных обвинений в саботаже колективизации, антисоветской пропаганде, шпионаже, вредительстве... Вацулик приводит много конкретных имен учителей, их трагические судьбы и названия школ. Он отметил, что упомянутый выше первый учитель и руководитель Киевской чешской школы с 1907 года Ярослав Боучек в 1931 году в числе 12 обвиненных учителей был осужден в Харькове верховным судом Украины и позже в лагере стал психически больным.

Со временем школьное деревянное здание стало ветхим домом, приспособленным для временного проживания. Оно снесено в 1970-х годах. Мы знаем, что в Киеве живет бывшая ученица этой школы, внучка одного из упомянутых инициаторов открытия школы, которая покинула ее в 1934 году в связи с закрытием и перешла в 71-ю, а ее тетка, учившаяся в этой школе в 1910 году и выступавшая на похоронах Генриха Игнатьевича Йиндржишека в 1924 году в Праге, недавно умерла в Чехии в возрасте 104 лет. Сейчас в Чехии проживают два человека, которые жили в этом школьном здании до его сноса.

Чешская Шулявка

Фотография учащихся чешской школы, выехавших в Святошинский лес возле Киева, сделана 100 лет назад. За эти годы прошли две мировые и гражданские войны, были и другие трагические события. По-разному сложилась у них жизнь. Их уже нет в этом мире, но 50—60 лет назад мы с некоторыми из них встречались и беседовали. Среди них были наши родители, родственники и знакомые. Все они с особой теплотой вспоминали уголок киевского района Шулявки — Стромовку — небольшой и не особенно благоустроенный парк, созданный чехами, жившими и работавшими здесь. Это название заимствовано у зна-

менитого пражского парка, бывшего королевскими охотничьими угодьями.

В киевскую Стромовку в выходные дни приходили семьями жители Шулявки, Караваевки и всего города. Ведь тогда это было дачное место — казенные земли, предназначенные для дач. А в XVIII веке здесь была дача Шеделя, архитектора времен начала застройки города. По другую сторону Брест-Литовского шоссе было Скаковое поле воинской части, стоявшей в казармах на Дегтеревской улице. Кинофабрики, а тем более киностудии им. А. Довженко не было. В 1910 году над этим полем летал Уточкин, а позже Нестеров демонстрировал свою знаменитую «мертвую петлю». Парки Политехнического института и Пушкинский были молодыми посадками на пустырях.

Создали Стромовку в первом десятилетии XX века энтузиасты из общества Яна Амоса Коменского вместе с его председателем Г. И. Йиндржишем. Был взят в аренду на Шулявке возле завода Гретера и Криванека участок земли с большими деревьями. Он находился между улицами Брест-Литовское шоссе (просп. Победы) и 2-я Дачная (Смоленская), Заводской (Индустриальной) улицей и Дачным переулком (Полевая, ул. акад. Янгеля). Инженер Виктор Кашпар (однофамилец прaporщика Вацлава Кашпара) построил на участке летний павильон для ресторана, беседку, которая служила гардеробом для выступающих, скамейки для зрителей и другое. Он стал собственником этих легких сооружений, руководителем заведения, а инженер Е. Мареш был «режиссером» комических инсценировок, которые превратились со временем в любительские спектакли.

Здесь проходили народные гуляния с кегельбаном, самодеятельными комедиями, пивом и шпекачками с кнедликами. Играли любительский духовой и струнный оркестры. Были танцы. Девушки-чешки одевались в национальные наряды. Звуки музыки для жителей окрестностей, особенно детей, были сигналом, что пора идти в Стромовку.

На этом мероприятии обязательно присутствовал полицейский чин — околоточный надзиратель. Для него ставился отдельный столик с графином (разумеется, не пустым) и закуской, чтобы ему было комфортнее вести надзор за инородцами — австрийскими подданными.

Существовавший самодеятельный театр был слабым. Он заметно окреп во время войны в 1916 году, когда в Стромовку начали ходить военнопленные чехи, освобожденные из лагерей для работ на киевских заводах. Среди них были профессионалы сцены — режиссеры и художники. Один из бывших пленных, профессиональный драматический актер Зденек Штепанек, описал потом в своих воспоминаниях жизнь этого театра в книгах «Собственная дорога» (1948) и «С театром вокруг света» (1970). После возвращения на родину он плодотворно работал в чешских театрах как артист и режиссер, снимался во многих фильмах, принимал участие в телепередачах. В интервью вспоминал о своих выступлениях в киевской Стромовке.

Во время войны ставший руководителем «Чешской возвоки» инженер Виктор Кашпар как член Общества Я. А. Коменского и заместитель председателя Г. И. Йиндржишем, был активным организатором театра, обеспечивал работу Стромовки в период летнего сезона, а в осенне-зимнее время арендовал на Бульварно-Кудрявской 26 «Народную аудиторию» для театра. Она становилась центром просветительской и воспитательной работы с военнопленными. Пользовался успехом у слушателей женский хор «Чешской возвоки».

Афиши к спектаклям составлял Ярослав Гашек, который в этот период числился солдатом 1-го стрелкового полка, был сотрудником «Чехослована» и рецензии на театральные представления подписывал двумя буквами J. H.

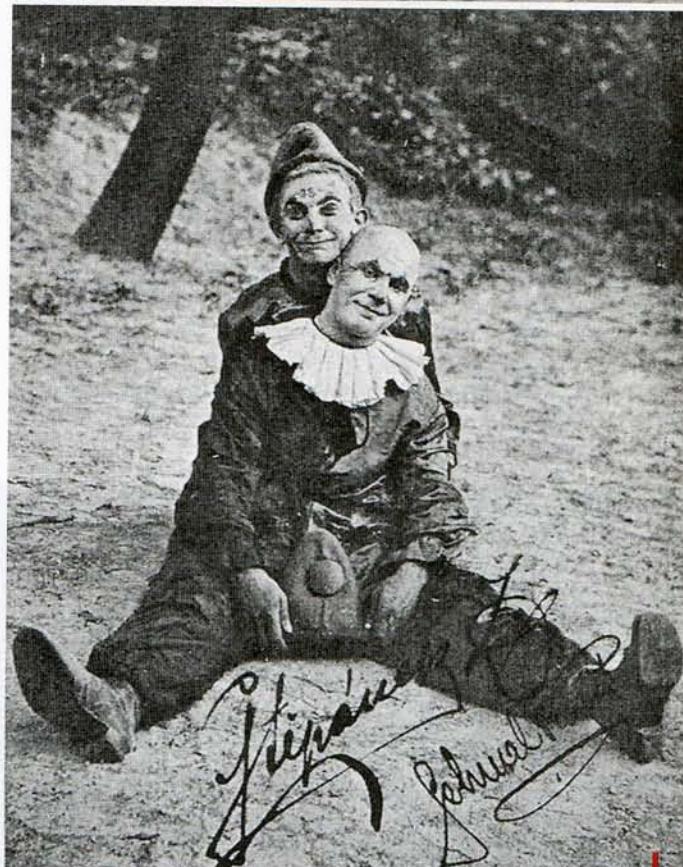
Бывший военнопленный, австрийский надпоручик, ставший добровольцем и «кандидатом офицерского чина» российской армии, Рудольф Медек описывает свое видение тех событий. Однажды он из запасной роты попал на Шулявку, где было много садов. В одном из них общество «Коменский» устраивало «земляческие празднества». Он стал частым посетителем. Здесь

можно было встретить «киевско-чехословацких» приятелей, офицеров и солдат с фронта. В Стромовке он впервые встретил знаменосца Дружины прaporщика Гейдука и прaporщика Клещанду, приехавших с фронта, старого пана О. Червены — земляка из Градца Кралове, неофициального чешского консула, его жену, выдающуюся женщину, руководительницу «Дамского комитета» в Киеве, заботившегося о больных и раненых в больницах и военнопленных в Дарницком лагере, пана Йиндржишем, умелого распорядителя общественными финансами, и других. Р. Медек в те дни стал прaporщиком, его ждала маршевая рота, и он уехал на фронт.

29 июля 1917 года в Киев приехал Т. Г. Масарик. В первый же день он посетил в двух больницах раненых, а вечером встречался в Стромовке с киевскими чехами.

Александр Муратов, Дина Муратова
Продолжение следует

«Народная аудитория»
на ул. Бульварно-Кудрявской 26, Киев

Зденек Штепанек (в шапке) и Й. Сегнал выступают в киевской Стромовке, 1917 г.